

6. Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 3-е (ПСЗРИ—III). — 1886. — Т. 6. — № 3817. — С. 347–357.

7. Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 3-е (ПСЗРИ—III). — 1887. — Т. 7. — № 4597. — С. 339–350.

8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400 (Главный штаб. Азиатская часть). Оп. 1. Д. 1110.

9. Саблер С. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С. В. Саблер, И. В. Сосновский. — СПб., 1903.

Информация об авторе

Канн Сергей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (ГПНТБ СО РАН), 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: skann@yandex.ru.

Author

Kann Sergey Konstantinovich — PhD in History, Senior Researcher of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS), 15, Voskhod st., Novosibirsk, 630200, e-mail: skann@yandex.ru.

УДК 957.1

ББК 63.3(253)

А.М. КУРЫШОВ

ИЗМЕНЕНИЕ СПОСОБА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ У ЭВЕНКОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Рассматривается одно из направлений модернизации традиционного хозяйства эвенков Иркутской губернии — изменение способа природопользования (интенсификация скотоводства и распространение земледелия) — в контексте трансформации системы традиционного хозяйства.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, трансформация хозяйства, эвенки, тунгусы, способ природопользования.

A.M. KURYSHOV

DEVELOPMENT OF THE EVENK'S NATURE MANAGEMENT METHOD IN IRKUTSK PROVINCE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES AS A MODERNIZATION TENDENCY OF TRADITIONAL ECONOMY

The author considers one of the modernization tendencies of Irkutsk province Evenk's traditional economy (development of the nature

management method — intensification of cattle breeding and spread of agriculture) under conditions of traditional economy system transformation.

Keywords: traditional economy, transformation of economy, Evenks, Tungus, method of nature management.

Проблемы трансформации хозяйственных традиций коренных народов Сибири на рубеже XIX–XX столетий как составной части процессов капиталистической модернизации Российской империи связаны с рядом проблем. Первая проистекает из противоречия между современными тенденциями экономической глобализации и усилением интереса к традиционному хозяйству, связанным с тем, что возрождение хозяйственных традиций рассматривается как одно из неперенных условий физического сохранения этносов и развития их самобытной культуры. Вторая проблема заключается в понимании оптимизации хозяйственной деятельности человека относительно его взаимоотношений с природной средой, оптимизации, которая является, безусловно, характерной чертой традиционного хозяйства. Третья проблема лежит в плоскости поиска исторических путей развития России.

Конкретной целью настоящего очерка является рассмотрение явлений экономического характера, составляющих основу процессов трансформации традиционного хозяйства эвенков (тунгусов) Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Выбор периода конца XIX — начала XX столетий не случаен. Он ознаменовался качественными изменениями в российской экономике и социальной сфере, что отразилось и на Сибирском регионе. Увеличиваются масштабы переселения, что создает в некогда казавшейся безграничной Сибири проблему малоземелья. В 1890-х гг. начинается землеустроительная реформа, непосредственно коснувшаяся «инородцев». Строится Транссибирская железная дорога, которая связала Сибирь с Европой и превратила край ссылки в активно развивающийся регион. Новые социально-экономические условия способствовали интенсификации процесса трансформации традиционного хозяйства автохтонного сибирского населения. Безусловно, изменения хозяйственного быта — процесс длительный, сводить его лишь к рубежу XIX–XX столетий нельзя. Однако именно с 80-х гг. XIX в. изменения традиционного хозяйства приобретают черты необратимого процесса, а их темпы значительно возрастают.

Под традиционным хозяйством здесь понимается самоорганизующаяся система, элементами которой выступают хозяйственные традиции населения, а системообразующим фактором — способы природопользования. Нередко в трудах исследователей традиционное хозяйство предстает как набор хозяйственных традиций, которые, в свою очередь, интерпретируются как совокупность знаний, методов, приемов по созданию материальных благ. Но сами по себе способы, приемы и правила

хозяйствования не могут характеризовать систему традиционного хозяйства. Предметом особого внимания должны стать не столько элементы, отдельные части системы, сколько связи между этими частями, — те признаки, которые и делают систему системой. Такими существенными признаками являются: прямая зависимость преобладающих способов хозяйственной деятельности от конкретных природных условий; натуральный характер хозяйственной деятельности; наличие комплекса экологических традиций; обеспечение минимума благ, необходимых для воспроизводства населения, как цель хозяйственной деятельности; контроль общества над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными.

Тесная взаимосвязь названных признаков обеспечивает устойчивость хозяйственных традиций, воспринимаемых людьми априорно, как данность. В силу этого традиционное общество в целом и традиционное хозяйство в частности представляется застойным, не способным к развитию. Однако это не так. Система традиционного хозяйства обнаруживает поразительную гибкость и способность к прогрессивным изменениям именно потому, что она обусловлена самой природой и естественной необходимостью.

Поскольку речь идет о традиционном хозяйстве этнической общности, нас будет интересовать, в первую очередь, характерные черты хозяйственной деятельности, восходящие к национальной идентификации. Безусловно, хозяйственная деятельность каждого «этноса» должна обладать рядом специфических признаков, присущих только ему. Вместе с тем, эти специфические признаки не должны противоречить общим признакам традиционного хозяйства вообще. Такие черты могут быть зафиксированы в традиционных способах природопользования и их соотношении. Однако выделение этих черт для всего «этноса» проблематично, поскольку способ природопользования зависит от природных условий, а условия эти чрезвычайно разнообразны. Если «этнос» достаточно широко распространен географически, об «этническом» природопользовании можно говорить лишь с достаточной долей условности. Отдельные группы эвенков значительно отличались по способам природопользования и даже официально делились на «кочевых» и «бродячих». В узком смысле, имея в виду конкретную общность людей, традиционное хозяйство характеризуется преобладающим в данной общности способом природопользования. У эвенков Иркутской губернии таким способом природопользования была охота.

Все изменения системы эвенкийского традиционного хозяйства представляется возможным объединить в две группы. Первую группу составляют процессы, связанные с трансформацией самого способа природопользования. Во вторую группу входят изменения, связанные с формированием у эвенков и тофаларов зачатков товарного хозяйства.

При всей тесной взаимосвязи этих двух групп явлений и их синхронности во времени, изменения первой группы касались содержания хозяйственной активности (например, переход от занятия только охотой дополнительно к скотоводству или земледелию), в то время как изменения второй группы затрагивали форму способа природопользования (переход от потребительской охоты к товарной). Трансформация способов природопользования эвенков в части содержания хозяйственной активности проявилась в интенсификации скотоводства и развитии земледелия и переходе части эвенков к оседлости.

Эвенки (тунгусы) рассеянно проживали на территориях четырех из пяти округов Иркутской губернии — Киренского, Верхоленского, Иркутского и Балаганского. В конце XIX в. существовало шесть эвенкийских инородческих ведомств: Нижнеилимское, Киренско-Хандинское, Курейское и Кондогирское — в Киренском округе, Очеульское и Тутурское — в Верхоленском округе. По С. Патканову курейские и кондогирские тунгусы состояли в одном ведомстве [13, с. 107], однако это не подтверждается официальными документами, свидетельствующими о существовании двух отдельных ведомств — Курейского и Кондогирского [8, с. 1]. Об Очеульском и Тутурском ведомствах, в силу малочисленности населения, в начале XX в. писали, как о существующих «по недоразумению» [5, л. 218]. Кроме этого, в конце XIX в. эвенки проживали на территориях бурятских инородческих ведомств — Кудинского (тунгусы Чинканова рода, голоустинские тунгусы, 104 чел.), Аларского (малобельские тунгусы, 58 чел.) [9, с. 96–97]. В 1888 г. 8 тунгусов проживали в Ольхонском ведомстве [11, л. 29]. Часть тунгусов Киренского округа, перекочевавших из Якутской области, находилась в непосредственном подчинении Вилюйского исправника [13, с. 105]. По данным переписи 1897 г., на территории Иркутской губернии проживало всего 2017 тунгусов, что составляло 0,39% численности населения губернии, из них 1289 чел. в Киренском, 578 в Верхоленском, 141 в Иркутском, семь в Балаганском и два человека в Нижнеудинском округах [14, с. 59]. По уточненным данным С. Патканова в Иркутской губернии проживало до 2191 эвенка [13, с. 114].

Основным занятием эвенков была охота. Помимо охоты, большую роль играли собирательство и рыболовство, то есть их хозяйство имело комплексный характер. Огромную роль в эвенкийском хозяйстве играли олени. Разведение оленей для эвенков было традиционным занятием, однако эвенки, проживающие в различных географических условиях, имели различное количество оленей. Например, у тунгусов Нижнеилимского инородческого ведомства в 1883 г. на наличную душу мужского пола приходилось лишь 1,2 оленей [7, л. 13–14]. И все же, «эвенкийское оленеводство являлось важнейшим компонентом системы природопользования, обеспечивая наиболее рациональные варианты освоения биотических ресурсов» [16, с. 57]. Олени в основном использовались

как транспортное средство при передвижении в поисках промыслового зверя. Таким образом, оленеводческий характер хозяйства эвенков был подчинен охоте.

По образу жизни таежное население Иркутской губернии, как и Сибири вообще, делилось на «кочевых» и «бродячих». По официальной градации, «инородцы» различались по «степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания» [15, с. 539]. Большая часть эвенков относилась к «бродячим инородцам», однако помимо «бродячих» оленеводов значительную долю тунгусского населения составляли полуседлые «кочевые» эвенки, в хозяйствах которых оленей почти не было.

В конце XIX — начале XX вв. начинается переориентация хозяйства эвенков направлении интенсификации скотоводства как вида природопользования. Это проявилось как в изменении состава эвенкийского скота, так и в повышении удельной доли продуктов животноводства в структуре потребления эвенков. Вместе с тем, несколько изменяется функция оленеводства в системе традиционной хозяйственной деятельности.

Изменения в составе скота выразились в распространении среди эвенков практики содержания лошадей и КРС, изменения в быте — в отказе части эвенков от потребительского промысла в пользу животноводства. Надо отметить, что, вероятно, скотоводство не было для тунгусов чем-то новым. Как считают многие исследователи, до расселения по огромным сибирским пространствам основу их хозяйства составляло как раз скотоводство, оленеводами эвенки стали позже. Сформировавшийся у эвенков способ природопользования, основанный на потребительской охоте, транспортном оленеводстве, рыболовстве и собирательстве, явился следствием приспособления к окружающей среде. Этот способ был оптимальным для данных географических условий, однако в XIX в. он подвергается изменениям, несмотря на то, что природная среда проживания эвенков не претерпела изменений. Уже в середине XIX в. фиксируются факты разведения лошадей тунгусами Киренско-Хандинского ведомства, жители которого были типичными оленеводами, — в 1865 г. «бродячие инородцы» ведомства имели 675 оленей и 10 лошадей [2, л. 410–411]. В 1880 г. на 279 жителей Кондогирского ведомства приходилось 668 оленей, 8 лошадей и 11 голов крупного рогатого скота [17, с. 47]. Гораздо заметнее изменения хозяйства в районах, расположенных рядом с местами компактного проживания русских и бурят. Например, в Нижнеилимском инородческом ведомстве в 1883 г. эвенки содержали 158 оленей (на душу мужского пола — 1,2), 53 лошади (0,4), 64 головы крупного рогатого скота (0,5), а также 92 овцы и 23 свиньи [7, л. 13]. Причем, четко выделяется две группы эвенков. «Бродячие» тунгусы имели исключительно одних оленей, которых у них приходилось 3,2 головы на душу. «Кочевые» не разводили оленей вовсе, зато у них

приходилось по 2,6 головы различного другого скота на душу мужского пола [7, л. 14]. Безусловно, отмеченные показатели не позволяют причислить «кочевых» нижеилимских тунгусов к скотоводам, тем не менее, отсутствие у них традиционных для эвенков оленей, а также наличие пашни и даже огородов заставляют предположить, что отнюдь не только потребительская охота доставляла им средства к существованию. «Кочевничество» этих тунгусов выражалось не в том, что они постоянно меняли место жительства, как их «бродячие» соплеменники, а в периодическом уходе части населения, как правило, мужчин, на промысел в тайгу. Тунгусы Зогинского стойбища (бурятское Кудинское инородческое ведомство) — 32 мужчины и 34 женщины — в 1901 г. содержали 17 коров, 10 голов мелкого рогатого скота и 20 лошадей. У тунгусов Кочергинского стойбища того же ведомства было 3 лошади и 4 головы КРС на 17 чел. (8 мужчин и 9 женщин). При этом в источнике подчеркивается, что большая часть лиц мужского пола — зверопромышленники (в Зогинском стойбище — 15 из 32, в Кочергинском — 7 из 8) [12, л. 79об., 80, 82об.]. По количеству лошадей и крупного рогатого скота на душу населения (0,3 и 0,3 соответственно) кудинские тунгусы еще значительно отставали от «кочевых» бурят соседнего Второго Ашегабатского рода (1,6 и 1,5), но уже приближались к оседлым бурятам рядом расположенного Курского селения (0,5 и 0,7) [12, л. 37, 79об., 80, 82об.]. Тенденция распространения практики содержания нетрадиционных видов домашних животных прослеживается и у эвенков Верхоленского округа. В.А. Туголуков отмечает, что «к 1875 году эвенки Тутурского ведомства располагали таким количеством домашнего скота, что это потребовало дележа покосов между ними и соседними русскими» [18, с. 16]. Очеульские тунгусы уже в 1868 г. на 583 чел. имели 275 оленей, 40 голов крупного рогатого скота и 125 лошадей [4, л. 17, 20].

К концу XIX столетия животноводство как способ природопользования широко распространяется среди эвенков, и перепись 1897 г. уже констатирует, что 8,1% самостоятельных хозяев-тунгусов (6,7% населения с членами семей) считали себя скотоводами [14, с. 115]. В хозяйствах тунгусов, практически перешедших к оседлости, количество скота в начале XX в. уже сопоставимо с поголовьем скота у русских крестьян. Например, в тунгусской деревне Ясачной на реке Коченге (приток Илима) в 1924 г. на 120 жителей приходилось 53 лошади, 54 головы КРС и 33 овцы [20, с. 22, 24].

Итак, применительно к «кочевым» эвенкам Иркутской губернии следует говорить о трансформации самой структуры животноводства и повышении его роли в процессе жизнеобеспечения. Этот процесс выразился в полном или частичном отказе некоторых групп эвенков от оленеводства и переходу к практике разведения лошадей и крупного рогатого скота. К этой категории с уверенностью можно отнести «кочевых»

тунгусов Нижнеилимского, Тутурского, Очеульского ведомств и немногочисленных эвенков Иркутского округа (уезда), причисленных к бурятским ведомствам. Недостаток сведений по Киренско-Хандинскому, Курейскому и Кондогирскому ведомствам не позволяет отнести какие-либо группы их жителей к данной категории, но все же очевидно, что указанная тенденция в некоторой степени проявилась и здесь. Скотоводство не стало главной отраслью эвенкийского хозяйства, но было важным источником средств к существованию.

Замечены тунгусы и в обращении к земледелию. Лишь «бродячие» тунгусы, жизнь которых была связана с постоянными перемещениями, не занимались земледелием. Зато почти во всех группах «кочевых» тунгусов в XIX в. земледелие было знакомым и обычным, хотя и имеющим подсобный характер родом занятий. В Нижнеилимском ведомстве уже в 1869 г. было шесть мельниц [6, л. 9]. В 1883 г. у «кочевых» тунгусов ведомства было 108 десятин под пашней (1,2 дес. на душу мужского пола) и 9 десятин под огородами. По выбору сельскохозяйственных культур инородцы практически ничем не отличались от русских крестьян, — ими выращивались рожь, пшеница, овес, ячмень [7, л. 4, 5, 14]. «Инородцы» не производили хлеб на продажу, почти не занимались огородничеством, хлеб на пропитание в основном брали у русских крестьян в долг из расчета на год, рассчитываясь потом шкурками пушных зверей. Основным же занятием тунгусов Нижнеилимского ведомства был товарный промысел пушного зверя [7, л. 10, 11]. Вместе с тем, год от года земледелие получает все большее распространение в эвенкийских ведомствах. Если в Очеульском ведомстве в 1868 г. «хлебопашеством тунгусы не занимаются» [4, л. 27], то к концу столетия и очеульские, и тутурские эвенки начинают приобщаться к земледелию [18, с. 16]. Занимались огородничеством отдельные хозяйства Кондогирского ведомства [18, с. 135]. В 1880 г. даже трое тунгусов Курейской управы занимались хлебопашеством [17, с. 48], хотя природные условия бассейна Нижней Тунгуски для земледелия крайне неблагоприятны, в этих местах даже русские крестьяне сводили концы с концами лишь благодаря помощи из казны [1, с. 2]. Географически занятие земледелием распространено у тунгусов не так широко, как скотоводство, но по численности эвенков-земледельцев можно говорить о том, что земледелие даже более популярно, чем скотоводство. По результатам переписи 1897 г. 10,4% тунгусских хозяйств Иркутской губернии (12,4% населения с членами семей) жили за счет земледелия [14, с. 115]. Это почти вдвое больше, чем скотоводческих эвенкийских хозяйств.

Разведение крупного рогатого скота и, в особенности, земледелие, требующее постоянного внимания к обрабатываемым почвам, стали причинами перехода части эвенков к оседлому образу жизни. В 1883 г. в Нижнеилимском ведомстве из 62 юрт 28 (почти половина) были дере-

вянными, сверх того, учтено 49 нежилых деревянных зданий (амбары, помещения для скота и т.д.) [7, л. 13]. Этот факт указывает на то, что т.н. «кочевые» тунгусы ведомства, скорее всего значительную часть года жили оседло. В том же Нижнеилимском ведомстве, по данным С. Патканова, в 1897 г. насчитывалось уже всего 18 хозяйств «бродячих» тунгусов (оленоводов) из 42 [13, с. 110]. Вместе с тем, можно заметить и другой процесс — переход от оседлости к земледелию. Так, например, в эвенкийском Очеульском ведомстве, жители которого в середине XIX в. еще не сеяли хлеба, уже в 1830 г. наряду с традиционными берестяными юртами, которые легко разобрать и не жалко бросить, что для эвенков, постоянно менявших место жительства, было очень важно, источники фиксируют и юрты деревянные, из чего следует, что часть тунгусов, по крайней мере, должна была регулярно возвращаться в обжитые места. На 150 берестяных юрт приходилось 20 деревянных [3, л. 162а]. Наличие постоянных деревянных юрт у тунгусов, не занимающихся земледелием, свидетельствует об осознании ими необходимости сезонной оседлости в целях стабильности контактов со скупщиками мехов. В 1868 г. в Очеульском ведомстве было уже 27 деревянных жилых домов, 158 деревянных юрт и лишь 138 берестяных [4, л. 16]. Материалы исследований 1887–1889 гг. отмечают, что у тунгусов Иркутского округа, охотящихся по берегам Байкала, также есть усадебная земля, к которой они должны были быть привязаны, «что заставляет предполагать известную оседлость» [10, с. 21]. К концу XIX в. и курейцы с кондогирцами перешли к оседлому и полuosедлому образу жизни, продолжая при этом заниматься охотой [17, с. 77].

Таким образом, интенсификация скотоводства и земледелия (последнего в особенности) у эвенков Иркутской губернии тесно связана с переходом к оседлости. Оседлость «кочевых» эвенков имела сезонный характер, приспособленный под земледельческий цикл работ и охотничий промысел. Переход к оседлости связан с необходимостью обработки земли и содержания скота (сенокос). Так называемые «кочевые» тунгусы не кочевали постоянно, а совершали циклические перекочевки, несколько раз в год возвращаясь в места проживания.

Интенсификация скотоводства и земледелия у «кочевых» эвенков стала результатом не только истощения источников традиционного потребительского промысла, но и следствием тесных контактов с русским и бурятским населением (у тунгусов Кондогирского ведомства — с якутами) и выбором под их влиянием экономически более целесообразного способа природопользования. Эвенки, проживающие среди бурят или русских или в непосредственной близости от них, обнаруживают более развитое животноводство и земледелие. Животноводство, как и земледелие, распространялось у иркутских эвенков на протяжении всего XIX в. Однако с конца столетия этот процесс при-

обрел массовый характер, в связи с активной колонизацией региона и, соответственно, усилением межэтнических контактов. Большое развитее землепашество и разведение скота получают у прибайкальских эвенков (по классификации В.А. Туголукова), особенно у тунгусов Нижнеилимского ведомства.

Рука об руку с изменениями в хозяйстве эвенков шел процесс их ассимиляции соседними народами. Ассимиляции подвергались в большей степени те группы тунгусов, которые обнаруживают признаки трансформации традиционного хозяйства и перехода к оседлости, поскольку именно они и вступали в контакт с русскими и бурятами. При этом естественный прирост в этих группах мог быть положительным, но за счет смешанных браков, перехода в крестьянское сословие, изменения хозяйственного быта общая численность эвенков неуклонно уменьшалась. Так, например, при подсчете сельского населения во время исследований 1887–1889 г. оказалось, что часть тунгусов Иркутского округа настолько сблизилась с бурятами по образу жизни, что они были записаны как буряты [9, с. 57]. Многие тунгусы селились оседло среди русского и бурятского населения, а затем причислялись к крестьянскому сословию, теряя всякие связи со своими сородичами и ассимилируясь в течении двух поколений. Восприимчивость эвенков к хозяйственным новациям исподволь способствовала их ассимиляции. Еще к XVII в. большинство эвенков по левому берегу верхней Ангары было монголизировано и перешло к скотоводству [18, с. 45]. В конце XIX столетия процесс ассимиляции эвенков, в связи с усилением межэтнических контактов, становится практически необратимым. В свою очередь, метисация эвенков также влияла на традиционную хозяйственную деятельность. Так, например, В.А. Туголуков считает, что смешение эвенков и русских привело к отказу потомков смешанных браков от использования оленя в качестве транспортного средства, так как олень не мог выдержать взрослого метиса, более крупного, чем чистокровные эвенки [18, с. 21].

Изменения способа производства у эвенков теснейшим образом связаны с развитием товарной охоты. Исследователями отмечается, что транспортная функция оленя у «бродячих» эвенков именно к концу XIX столетия приобретает все большее значение в связи с увеличением территории, на которой производятся перекочевки. Причем увеличение промысловых площадей происходит не в связи с охотой на копытных, а по причине активизации пушной охоты [19, с. 53, 123, 162]. Именно с пушным промыслом связаны дальние переходы эвенков с одного места на другое. При таких переходах без оленей было не обойтись. В свою очередь, увеличение поголовья оленей требует освоения дополнительных площадей, необходимых для выпаса. Таким образом, переход к пушному промыслу повлиял на интенсификацию «бродяжничества» тунгусов. Вместе с тем, у эвенков род представлял собой патронимию

(большую семью), соответственно не существовало общественных институтов выше семьи, контролирующих соотношение имущественных статусов отдельных хозяйств, как в русских или бурятских земледельческих общинах. Такой порядок сложился потому, что главным богатством для кочевых охотников являлись олени, а не земля. В такой ситуации малооленные и безоленные хозяйства под влиянием хозяйственной деятельности соседей — русских и бурят — связывали свое будущее с альтернативными занятиями — скотоводством и земледелием. Иными словами, разведением скота (не оленей) и земледелием стали заниматься, в первую очередь, беднейшие тунгусы, для которых специализация исключительно на товарном промысле была невозможна по причине нехватки оленей.

Сравнивая процессы модернизации, затронувшие на рубеже XIX–XX вв. эвенков и другой коренной народ Иркутской губернии — бурят — можно заметить существенные различия и определить сходства. У всех «аборигенов» Иркутской губернии традиционный основной способ природопользования остался неизменным. У иркутских бурят это земледелие, у эвенков — охота. Однако товарность, как один из основополагающих принципов рыночных отношений, проявилась в традиционных хозяйствах по-разному. У бурят она затронула, в первую очередь, скотоводство, то есть вспомогательный род занятий, у эвенков — основной, — охоту. В ходе трансформации бурятская община не только сохранила, но и укрепила свою контрольную функцию по отношению к основному средству производства — земле. Эвенкийский род эту важнейшую функцию потерял. Как следствие мы констатируем к 1920-м гг. сохранение системы бурятского традиционного хозяйства, хотя и в измененном виде. Рыночные процессы не смогли разрушить внутрисистемные связи. Специализация эвенков на пушном промысле знаменовала крах натурального хозяйства, — того вида связей между элементами системы традиционного хозяйства, которые, так или иначе, касаются остальных качеств, связывающих элементы системы, т.е. отдельные хозяйственные традиции, воедино. Потеря родом контроля над индивидуальной хозяйственной деятельностью означала ликвидацию еще одного признака системы. В результате традиционное хозяйство эвенков потеряло свою этническую специфику и перестало существовать как самоорганизующаяся система. Процессы трансформации традиционного хозяйства совпадают по времени со стабилизацией численности бурятского населения и усилением проявлений ассимиляции эвенков. На основании этого мы можем сделать вывод, что специфика хозяйственной деятельности является важным признаком этноса, а революционная трансформация традиционного хозяйства, имевшая место у эвенков, приводит к нивелированию этнических характеристик общества.

Список использованной литературы и источников

1. Восточное обозрение. — 1906. — № 269.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 187.
3. ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 41.
5. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 11.
7. ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13.
8. Иркутские губернские ведомости. — 1899. — № 43.
9. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — М., 1890. — Т. 2. Вып. 2. — 343 с.
10. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — М., 1890. — Т. 2, Вып. 3. — 295 с.
11. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1908.
12. НАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 275.
13. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I : Тунгусы собственно / С. К. Патканов. — СПб, 1906. — Вып. 1. — 175 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV: Иркутская губерния. — СПб. : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. — 171 с.
15. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Кн. первая. Т. I-IV. — М., 1910. — С. 539–600.
16. Рагулина М. В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М. В. Рагулина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. — 163 с.
17. Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности / А. А. Сирина. — М. : Оттиск, 2002. — 284 с.
18. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. — М. : Наука, 1985. — 284 с.
19. Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX вв. (принципы освоения угодий) / М. Г. Туров ; Иркут. гос. ун-т. — Иркутск, 1990. — 176 с.
20. Ходукин Я. Н. Тунгусы реки Коченги / Я. Н. Ходукин ; Иркут. гос. ун-т. — Иркутск, 1927. — 29 с.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@isea.ru.

Author

Kuryshov Andrey Mihailovich — PhD in History, Associate Professor, Chair of History, Economic and Political Sciences, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: history@isea.ru.